

The conceptualization of childhood in the life narrative representatives of two generations of Russians

E. V. Mikhailova¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

On the materials of a series of narrative interviews, the article analyzes the features of conceptualization and reconstruction of the children's period of life by representatives of two generations of Russians - "baby boomers" and "generation X". An attempt was made to reveal the universal and differentiated from generation to generation meanings and plots of life narratives about childhood, which are the essence of such conceptualization. As content components of the social concept of childhood, the typical statements of informants repeated in most narratives were analyzed, which were structured in the following thematic blocks: general background of childhood memories, ideas about the time frame of childhood, the system of mutual expectations of children and parents, social (extra-familial) context of childhood, assessment of the influence of children's experience on the future life. The hypothesis is confirmed that each generation has a special social concept of childhood, shows intergenerational shifts and contrasts in understanding the childhood period. The most significant intergenerational differences in the conceptualization of childhood are the concepts of "golden childhood" and transitional age, ideas about the allowable degree of autonomy and subjectivity of the child, the issues of parental involvement in teaching a child and choosing a profession, attitude to physical punishment as a measure of educational impact. The intergenerational differences in the content of childhood narratives concern the assessment of the influence of the childhood period on the future life.

Keywords: narrative, generation, baby boomers, generation X, conceptualization of childhood, transitional age

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Mikhailova
(correspondence author)

E-mail: nmev649@mail.ru
Candidate of sociological Sciences, associate Professor of political science and sociology

For citation: Mikhailova E. V. The conceptualization of childhood in the life narrative representatives of two generations of Russians // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2019. Vol. 5, No 1. P. 52–65. (in Russ.)

Концептуализация детства в жизненных нарративах представителей двух поколений россиян

Е. В. Михайлова¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 364.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

На материалах серии нарративных интервью в статье анализируются особенности концептуализации и реконструирования детского периода жизни представителями двух поколений россиян – «беби-бумеров» и «поколения X». Сделана попытка выявить универсальные и дифференцированные от поколения к поколению смыслы и сюжеты жизненных нарративов о детстве, составляющие суть такой концептуализации. В качестве содержательных компонентов социальной концепции детства проанализированы типичные, повторяющиеся в большинстве нарративов высказывания информантов, которые были структурированы по следующему тематическому блокам: общий фон воспоминаний о детстве, представления о временных границах детства, система взаимных ожиданий детей и родителей, социальный (внеfamilial) контекст детства, оценка влияния детского опыта на дальнейшую жизнь. Подтверждается гипотеза о наличии у каждого поколения особой социальной концепции детства, показаны межпоколенные сдвиги и контрасты в осмыслении детского периода. К наиболее существенным межпоколенным отличиям отнесены концепты «золотого детства» и переходного возраста, представления о допустимой степени автономности и субъектности ребенка, вопросы участия родителей в обучении ребенка и выборе профессии, отношение к физическим наказаниям как мере воспитательного воздействия. Внутрипоколенные различия в содержании нарративов о детстве касаются оценки влияния детского периода на дальнейшую жизнь.

Ключевые слова: нарратив, поколение, беби-бумеры, поколение X, концептуализация детства, переходный возраст

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова Елена Валерьевна (автор для корреспонденции)	Email: nmev649@mail.ru Кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии
---	--

Для цитирования: Михайлова Е. В. Концептуализация детства в жизненных нарративах представителей двух поколений россиян // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5, № 1. С. 52–65.

Введение

Изучению детского периода жизни человека вне проблематики социализации в социологии уделяется значительно меньше внимания по сравнению с такими жизненными периодами, как, например, молодость и пенсионный возраст [1; 2]. Отчасти такая ситуация легко объясняется прежде всего методическими трудностями при попытках обратиться напрямую к детям – содержание и статус данных, полученных от взрослых респондентов и детей, зачастую несопоставимы в рамках утвердившихся в социологии исследовательских процедур. В то же время логика развития социального знания подталкивает исследователя к осмыслению детства как особого периода в жизни человека.

К настоящему времени в социологии детства доминируют два концептуальных подхода: социокультурный и структурный. Приверженцы социокультурного подхода рассматривают детство как культурный феномен, содержание которого достаточно вариативно и находится под прямым воздействием социально-исторических условий. Представителями социокультурного подхода – П. Брюхнером [3], М. Виннсом [3], Х. Попитцем [3], Н. Постманом [3], Д. Рихтером [3], И. С. Коном [4], С. Н. Щегловой [5] – проблематизируются такие вопросы, как кризис детства, его эмансипация и индивидуализация, стирание границ между детским периодом и взрослой жизнью. В рамках структурного подхода [6] оценивается позиция детей как особой категории населения в общественной структуре, а также рассматривается функционирование социальной инфраструктуры детства. Особенностью структурного подхода является изучение детей как объекта воспитательного и социализирующего воздействия семьи и системы образования.

Один из значимых тезисов теории поколений [7] состоит в констатации формирующего воздействия детского опыта на каждое поколение, в котором, согласно Н. Хоуву и В. Штраусу, можно выделить 4 основных источника формирования поколенческих ценностей: события, имеющие историческое значение; «информационные сообщения» – круг обсуждаемых в обществе вопросов; подходы родителей к воспитанию; дефициты материального и социально-психологического характера, которые ощущаются детьми.

Как показало проведенное нами исследование жизненных нарративов представителей старших возрастных групп [8], рассказ о собственном детстве занимает значительное, а порой и главное место в их общих жизненных историях. Полученные материалы содержали несколько отчетливо выраженных констант, опираясь на которые информанты рассказывали о своем детстве. Невозможно было не обратить внимание на кардинальные различия в осмыслении детского опыта старшим и младшим поколениями информантов, которые, на наш взгляд, лишь отчасти обусловлены разницей социальных условий их взросления. В частности, в рассказах представителей старшего поколения, чье детство проходило в деревне в военный и послевоенный период, отсутствовали представления о детстве как о «золотом времени», никто из них не упомянул о проблемах переходного возраста и бунте против родителей, никто не рассчитывал на помощь родителей в получении образования, сфера родительского контроля распространялась лишь на помощь по хозяйству, успеваемостью своих детей родители информантов старшего возраста не интересовались. В рассказах представителей старшего поколения содержалась внутренне непротиворечивая,

согласованная трактовка собственного детства, которую можно было рассматривать как отчетливо выраженный социальный конструкт. В данной связи представляется интересным сравнить сфокусированные на детском периоде нарративы представителей разных поколений, попытаться выявить универсальные и дифференцирующие смыслы и сюжеты.

В качестве исходной теоретической посылки примем тезис психологов о социальной обусловленности воспоминаний и выстраивания нарратива в целом [9] и попытаемся выявить типичные социальные значения, присваиваемые детству как особому жизненному периоду двумя поколениями – людьми 1943–1963 гг. рождения, которые определяются в российской интерпретации теории поколений как «бэби-бумеры», и родившимися в период с 1963 по 1984 гг., т. е. «поколением X» [10].

Набор таких значений и составляет содержание концепции детства, которое может быть рассмотрено в двух основных ракурсах – как осмысление опыта собственного детства и как содержание воспитания собственных детей с попытками не повторить ошибок родителей, компенсировать дефициты своего детства и т. д. Задача – увидеть за различными социальными условиями взросления разных поколений вариативные и универсальные конструкты восприятия детства как особого жизненного периода, а также попытаться понять, насколько они «привязаны» к конкретному поколению либо обусловлены в большей степени такими факторами, как место, где проходило детство (город или деревня), социальный статус родителей и структура родительской семьи, уровень материального благосостояния семьи. Гипотезой исследования стало предположение о том, что социальная концепция детства как система представлений в значительной степени инвариантна и константна в пределах одного поколения и значительно различается от поколения к поколению.

Содержательно социальная концепция детства представляет собой комплекс повторяющихся в нарративных интервью сюжетов и ценностных суждений о детском периоде жизни, осевыми из которых являются:

- общий фон воспоминаний о детстве как о радостном, «золотом» времени или периоде травм и незащищенности, на который указывает преобладание позитивных либо негативных воспоминаний, а также фреймовые высказывания информантов о том, каким им видится собственное детство;

- представления о временных границах детства, отделенность или слитость этого периода с общим жизненным континуумом – воспринимается детство как подготовка к взрослой жизни или как полноценный жизненный этап;

- система взаимных ожиданий детей и родителей, в том числе методы родительского воспитания, суждения о свободе выбора и допустимой степени автономности ребенка;

- воспоминания о социальном (внесемейном) контексте детства – школе, отношениях со сверстниками в школе и во дворе, внешкольной занятости в кружках, музыкальных, спортивных, художественных школах, социальное сравнение и осмысление актуальных на период собственного детства жизненных стандартов;

- выводы об «уроках» детства – чему научило детство, какие навыки и качества были приобретены.

Методы

Эмпирическую базу исследования составила серия нарративных интервью, взятых студентами 3-го курса ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, обучающимися по специальности «Социология», в рамках выполнения практического задания по курсу «Методология и методы социологического исследования». Студенты получили задание взять по одному интервью с представителями двух поколений: 1943–1963 и 1963–1984 гг. рождения. Было получено 38 интервью: 19 интервью с «беби-бумерами» или условным «старшим поколением» и 19 – с представителями «поколения X» или «средним поколением». Методика интервью предполагала фокусировку на детском периоде жизни информантов. Информанты обоих поколений дифференцированы по социальному составу; участниками серии интервью стали как мужчины, так и женщины, люди с различным уровнем образования, разных профессий, семейный статус также различается. Исследование проводилось в октябре-ноябре 2018 г. Смысловые блоки социальной концепции детства были выделены по результатам анализа содержания материалов интервью.

Результаты

Логический строй воспоминаний информантов о собственном детстве имеет достаточно устойчивую инвариантную структуру, выстроенную по принципу контраста: «в нашем детстве было так, у наших детей, внуков – совсем не так». За этой конструкцией часто следует прямое оценочное высказывание о том, какой вариант с точки зрения информантов все же наиболее предпочтителен. *«Ну вот чем отличалось наше детство от вашего? Тем, что мы много гуляли, играли, общались. У нас не было никаких интернетов, планшетов, телефонов. Мы просто выходили на улицу, во двор, было даже такое понятие – «дворовая компания», и играли в разные игры, о которых вы даже и не подозреваете, кроме, может быть, вышибал. Остальные игры для вас такие же непонятные, как для нас тогда были ваши виртуальные игры. И было очень интересно, потому что все это было вживую. Это было общение с людьми, а не с этими самими роботами и картинками в каком-нибудь планшете»* (информант – женщина 1953 года рождения, родилась и провела детство в Ярославле, пенсионер, по профессии – учитель математики в школе). *«Если бы мне сейчас сказали выбрать детство – нынешнее или то, я бы ваше детство точно не выбрала»* (информант – женщина 1943 года рождения, родилась и провела детство в деревне Ярославской области, пенсионер, по профессии – бухгалтер).

Эмоциональный фон воспоминаний о детстве, представления о временных границах детского периода

Как уже упоминалось, анализ нарративов представителей старшего поколения, родившихся в деревне в довоенный, военный и послевоенный период (до начала 1950-х гг.) и проживших всю жизнь в деревне, показал, что у информантов данной группы вообще отсутствует субъективная трактовка детства как радостного, светлого, «золотого» периода жизни [8]. В воспоминаниях остальных информантов – представителей как старшего, так и среднего поколения – конструкт «золотого детства» присутствовал, в том числе у тех, кто провел детство в деревне,

но затем переехал в город. Этот факт иллюстрирует формирующее воздействие социального контекста на содержание и трактовку воспоминаний. Массовое утверждение конструкта «золотое детство» в послевоенный период, по-видимому, обусловлено городским образом жизни и влиянием городской среды. *«В детстве мы все были счастливые. Пусть даже тогда были тяжелые времена. Ассоциируется оно у меня со школой, соревнованиями всякими. Мы и на лыжах бегали, и плавать на речку ходили, даже заплывы на скорость устраивали. Хорошее время было»* (информант – женщина 1943 года рождения, родилась и провела детство в деревне Ярославской области, пенсионер, по профессии – бухгалтер). Еще одно парадоксальное высказывание о детстве в 1950-е гг.: *«в Советском Союзе было голодно, полно лишений, но это было самое надежное время, счастливое время... Крепкие семьи»* (информант – женщина 1948 года рождения, родилась и прожила всю жизнь в поселке в Архангельской области, работала товароведом).

Как и участники ранее проведенного исследования, информанты старшего поколения в данном исследовании не упоминали ни о проблемах переходного возраста, ни о конфликтах и недопонимании с родителями в подростковый период. Более того, некоторые из них намеренно акцентировали внимание на том, что переходного возраста у них не было и сами представления о его неизбежности кем-то придуманы и навязаны. *«...И возраст переходный как-то спокойно проходил. Да мы даже и не слышали про переходный возраст... Потому что мы росли у нас никакого переходного возраста не было. Ни у кого из ребят. Я не помню»* (информант – женщина 1954 года рождения, родилась и провела детство в деревне, пенсионер, по профессии – бухгалтер). *«У нас как-то не было вопросов... Просто послушные были»* (информант – женщина 1948 года рождения, родилась и всю жизнь прожила в Ярославле, врач). Тема переходного возраста начинает появляться в детских воспоминаниях представителей среднего поколения.

Отвечая на уточняющий вопрос о временных границах детства и моменте перехода во взрослую жизнь, большинство информантов как старшего, так и среднего поколения указывали на окончание школы и поступление в вуз, техникум или училище либо на начало самостоятельной трудовой деятельности сразу после школы. Представляется, что для самих информантов эти называемые ими границы детства достаточно условны, поскольку, как становится очевидным из контекста интервью, вся жизнь – детство, подростковый возраст, юность, зрелость – воспринимается информантами как единый континуум. На себя – ребенка – и на себя – взрослого – смотрят одними и теми же глазами, взрослая жизнь является естественным продолжением детства, детский период не воспринимается нынешними взрослыми как искусственно созданная зона взросления и подготовки к взрослой жизни.

Система взаимных ожиданий родителей и детей

Поразительным фактом является принципиально иная, по сравнению с другими поколениями, система взаимоотношений родителей и детей, о которой рассказывали информанты старшего поколения. *«Большой ли вклад в воспитание внесли родители? – Нет, конечно, нет. Мы были предоставлены сами себе. Мама с утра до позднего вечера была на работе. Отца своего я ни разу не видела, он погиб в 1949 году, знаю только то, что он всегда нам очень помогал, любил. – Хватало ли маминой*

любви? – Раньше не принято было объясняться в любви, но мне кажется, мама нас любила. Запомнился один случай: одна из старших сестер (Тоня) взяла меня с собой на практику в соседний поселок, а маме ничего не сказала. Так мама всю ночь шла за мной пешком, а потом столько же тащила на руках. Чтобы я дома спала. Влетело потом сестре» (информант – женщина 1948 года рождения, родилась и прожила всю жизнь в поселке в Архангельской области, работала товароведом). «То есть любви и заботы не хватало? – Не хватало любви. Не хватало, конечно. Потому что и родители уставали, понятно, у них тяжелый труд был. Особенно когда в колхозе работали очень много и очень тяжело. И бесплатно. За трудодни работали, поэтому как бы счастья особого на лицах наших родителей особо не было. Чувствовалось, что тяжело... Мы росли как-то несмотря на то, что родители работали с утра до вечера. И воспитанием нашим никто не занимался, и не говорили, что вот это нехорошо, а это – хорошо, делай вот так, а не так. Мы росли сами. В деревне все были труженики. Ребята в деревне были труженики все. Сколько у нас в семье было... мы все вечером летом идем поливать огород. И все с пруда носим воду, а это довольно-таки далеко. Утром встанем, моего возраста подружки все собираемся, за водичкой идем, полы мыть, протирать все, дома порядок наводим, а потом только гулять шли. Такого, чтобы, так сказать, или в семье у нас кто-то, чтобы, так сказать, вел себя некрасиво... такого не было. Мы никогда не были лентяями и у нас всегда были свои обязанности. И не было понукания самое главное. Не было такого, что родители сказали, ты сегодня делай это, ты делай то» (информант – женщина 1954 года рождения, родилась и провела детство в деревне в Ярославской области, пенсионер, по профессии – бухгалтер).

Информанты старшего поколения подчеркивали, что самостоятельно совершали выбор профессии, места обучения, принимая во внимание материальные возможности семьи, личные склонности. Никто из информантов старшего поколения не упомянул о том, что родители каким-то образом интересовались или тем более гордились успехами детей в учебе. «Родители были все время на работе. Мы были сами себе предоставлены. Самостоятельные были. Еще и маме помогали во всем. Пойдет на работу, накажет сделать то, то и то, и мы все с сестрой сделаем. Родители с нами учебой не занимались, даже не подходили, потому что у них времени не было» (информант – женщина 1947 года рождения, детство провела в деревне Ярославской области, была рабочей на промышленных предприятиях г. Ярославля). «Вот я закончила 8 классов. Встал вопрос о том, куда пойти поступать. В общем-то уже довольно-таки серьезный вопрос. Не было каких-то там, чтобы сидеть ждать, чтобы мама пойдет куда-то. Мама не занималась этим, наверное, потому, что некогда было. Сами кто-то куда-то поступал, кто-то кого-то звал. Кооперировались, поедем со мной поступать в Ярославль. Ну вот, я подала в училище торгово-кулинарное с девочками. А там общежития не было, жить было негде в Ярославле. Забрали документы. Решали сами все... Пошла потом в «Дом быта» работать ученицей портнихи, потому что город я не знала, больше куда поступать я тоже не знала. И все. И как бы все и становление началось» (информант – женщина 1954 года рождения, родилась и провела детство в деревне Ярославской области, пенсионер, по профессии – бухгалтер). «А как родители отнеслись к Вашему выбору профессии? – Я как-то особо у них не спрашивала. Я просто с детства говорила – «вот вырасту и вылечу всех наших бабушек, и тебя, мама, лечить буду». – Вы старались жить по примеру родителей, или сами, учась на собствен-

ных ошибках? – Я, конечно, смотрела на родителей. Но и профессию, и различные занятия выбирала сама» (информант – женщина 1943 года рождения, выросла в г. Горький, профессия – фармацевт).

Предметом воспитательного воздействия родителей, в том числе и причиной физического наказания, могли стать невыполненная работа по дому или детские шалости, «озорничанье». «А как наказывали, если плохо себя вели? – Мама могла наказать, в угол поставить на горюх или на что-то, а то и ремня даст, давала и ремня, всяк было» (информант 1944 года рождения, детство провела в Белорусской деревне, работала фельдшером).

Можно указать на две существенные особенности взаимоотношений родителей и детей в 1940-е, 1950-е гг.: с одной стороны, родители обладали непререкаемым авторитетом, а с другой стороны, не воспринимались детьми как субъект ответственности за собственную судьбу, жизненный выбор и т. д. Полностью отсутствует в воспоминаниях старшего поколения и какой бы то ни было критicism по отношению к собственным родителям, родителей не судят и тем более не осуждают. Очевидно, принятие субъектности, осознание личной ответственности за свою жизнь в старшем поколении происходило достаточно рано.

В следующем, среднем, поколении модель взаимоотношений родителей и детей кардинальным образом пересматривается. Родители пытаются целенаправленно воспитывать в детях определенные качества, стараются проводить с ними как можно больше времени. Главной задачей ребенка с точки зрения родителей теперь является учеба, родители уже не могут позволить себе не интересоваться успеваемостью своего ребенка. Во многих семьях дети продолжают помогать родителям по дому, но объем и значение такой помощи несопоставимы с детством предыдущего поколения. Дети 1970–1980-х гг., которых в теории поколений называют «поколением с ключом на шее» [10], вспоминают, что много времени проводили без родителей – на улице, во дворе, дома, самостоятельно посещали кружки, секции, музыкальную или художественную школу. Однако самостоятельность отнюдь не означает, что дети были предоставлены сами себе, можно констатировать, что в среднем поколении степень контроля родителей над детьми существенно увеличивается, расширяется перечень взаимных ожиданий родителей и детей.

В воспоминаниях среднего поколения появляется тема конфликта с родителями, на родителей зачастую возлагается вина и ответственность за собственную судьбу. Большая часть информантов поколения X так или иначе затрагивает тему переходного возраста. «После 9-го класса я хотела уйти в художественное училище, стать художником. Но родители были против, меня буквально заставили идти в старшую школу. И тогда я решила начать протестовать: у меня появилась целая куча троек, я совершенно перестала учиться. Я была совершенно уверена, что если я продолжу и дальше свой протест, то родители передумают и все-таки разрешат мне дальше идти на художника. Как же я тогда ошибалась» (информант – женщина 1963 года рождения, выросла в Ярославле, школьный учитель). «Хорошо, а какие отношения у тебя были с родителями, в частности, с мамой? – Да, уж, теплыми их назвать, пожалуй, нельзя. Наверное, все-таки в первые месяцы и годы жизни ребенка уже начинают закладываться отношения. А какими они могут быть, если матери почти не было во время раннего моего развития. Я не чувствовала столько внимания и заботы, сколько мне бы хотелось. Мы с ней часто не понимали друг друга, ссорились. Больше всего я ее не понимала, будучи подростком. Когда я хотела сходить

погулять, она говорила: «Надо делать дела». – Какие дела? – Просто дела. Я не знаю! Она делала все, чтобы не пустить меня гулять» (информант – женщина 1969 года рождения, детство провела в г. Углич, школьный учитель).

Физические наказания начинают восприниматься детьми 1970–1980-х гг. как недопустимая практика в воспитании, перестают быть социальной нормой. О том, что родители били их, все информанты говорили с явным нежеланием и стеснением; вместе с тем интервьюируемые мужчины, в отличие от женщин, склонны были признать эту меру неприятной, но необходимой мерой воспитательного воздействия. *«Как ты относишься к наказанию детей? Нужно ли наказывать? И как? – Я была очень шkodливым ребенком в детстве. Фантазеркой и шkodливой, доставалось мне, конечно, ремнем. Ну, так как моих родителей так же воспитывали, они считали, что это правильное наказание. В моем понятии мы не имеем права вообще подымать руку на ребенка, потому что он не может сдать тебе сдачи и вообще это неправильно. Ну, объяснить надо... Попытаться достучаться, попытаться и раз, и два, и три объяснить. Ну и что? Да, не с первого раза. Москва не сразу строилась»* (информант 1976 года рождения, родилась и выросла в Ярославле, работает медсестрой). *«На родительских собраниях всегда ругали маму, папу. Батя как-то участвовал в моей жизни, ходил на собрания. Я знал, что когда он придет, то ремня всыплет мне... А так, я батю не любил, потому что он меня всегда порол ремнем, я был раздолбай. И правильно он делал, потому что по-другому с нашим братом никак, только через ремень все понимаем»* (информант – мужчина 1970 года рождения, детство провел в г. Рыбинске, руководитель). *«А сейчас, находясь уже в зрелом возрасте, как Вы считаете – стоит ли детей наказывать физически или достаточно с ними поговорить и отругать? – Я считаю, что надо наказывать, это - правильно. Иначе получается так, что безнаказанность порождает опять же подобное поведение»* (информант – мужчина 1965 года рождения, вырос в Ярославле, инженер-строитель).

Социальный (внесемейный) контекст детства

Представители старшего поколения говорили о бедности, крайне скудных условиях существования их собственной семьи и всего их окружения. Заглядывая в свое детство, многие констатировали, что такая ситуация воспринималась как норма. Кроме того, отмечалось, что повсеместность бедности исключала соревновательность и зависть. *«Да нормальное было детство! Без всяких изысков. Денег не было, как и у всех»* (информант – женщина 1953 года рождения, родилась и провела детство в Ярославле, пенсионер, по профессии – учитель математики в школе). *«А как жили? Нормально мы жили. Не богато, конечно, но все были довольны, никто не жаловался... Детство у меня было хорошее, счастливое. Пусть мы полуголодные бегали, полураздетые, но мы все дружили, вся улица дружила и общалась между собой. Если вот я пришла за подругой, гулять мы собрались, а она с семьей кушать села, то и меня обязательно посадят. Всем делились. И так у всех было, никто ничего не жалел»* (информант – женщина 1943 года рождения, родилась и провела детство в деревне, пенсионер, по профессии – бухгалтер). *«Одевались и жили все ровно. Кто-то, конечно, немного победнее – у кого мужчины не пришли с войны. Им тяжелее было. Была у нас такая семья, что они очень тяжело жили, но основная масса все равно как-то вот так ровно. Поэтому мы не завидовали друг другу никогда. Мы*

в школе как-то никого не выделяли. Не говорили, что кто-то не так одет» (информант – женщина 1954 года рождения, родилась и провела детство в деревне, пенсионер, по профессии – бухгалтер). *«Раньше не было разницы между богатым и бедным – все жили одинаково, в одной семье появился велосипед – катались всем двором. В то время не было зависти, корысти в людях»* (информант – женщина 1948 года рождения, родилась и прожила всю жизнь в поселке в Архангельской области, работала товароведом).

Внесемейный контекст детства информантов старшего поколения составляли сверстники, «улица», школа. Те, кто провел детство в городе, с удовольствием вспоминают кружки и спортивные секции и время, проведенное на улице, во дворе. Все представители старшего поколения говорят о коллективном образе жизни в период их детства, о том, что социальное окружение давало чувство уверенности и защищенности. *«...Не было «Я», было только «Мы», помогали друг другу, переживали, много хороших качеств из детства пришло»* (информант – женщина 1948 года рождения, родилась и прожила всю жизнь в поселке в Архангельской области, работала товароведом). *«С родителями не играли. Играли со сверстниками с лапту, вышибалы, в заводилы, в прятки»* (информант – женщина 1947 года рождения, детство провела в деревне Ярославской области, рабочая на промышленных предприятиях г. Ярославля). *«Я помню, со своими подружками мы очень любили строить домики, собирали различные ящики, коробки, и из них уже делали дома, ходили друг к другу в гости. Мы играли в бумажные куклы, рисовали для них одежду. Играли мы в подъезде на подоконнике в эти куклы. Еще я помню, мы прямо в подъезде сделали качель. Так было классно. Еще любили играть после теплого дождя в лужах. Из подорожников мы делали морское царство якобы. Это мне тоже очень нравилось. Играли конечно и в дворовые игры, догонялки, салки, жмурки. А зимой у нас заливали все время каток и мы катались на коньках, а также катались на лыжах. В основном всегда проводили время на улице»* (информант 1953 года рождения, выросла в деревне в Ярославской области, по профессии – бухгалтер, швея). *«Мы чувствовали себя защищенными всегда. Не боялись гулять вечером поздно, выходить на улицу. Если вечером ребенок гуляет – то и пусть гуляет... не один, с другими детьми. То есть, была защита, которой сейчас, к сожалению, нет»* (информант – женщина 1953 года рождения, родилась и провела детство в Ярославле, пенсионер, по профессии – учитель математики в школе).

Социальные условия детства среднего поколения практически те же: игры во дворе со сверстниками, кружки и школа, поездки в летние детские лагеря. *«В нашем детстве, в отличие от настоящего времени, все кружки и секции были бесплатные, поэтому мы с друзьями ходили во все секции. Я ходила даже в секцию дзюдо. Но тем не менее, я ходила и на вязание, в художественную и конькобежную школу. Чего только не предлагалось. Мы занимались везде»* (информант 1976 года рождения, выросла в Ярославле, работает торговым представителем).

Нельзя не обратить внимания на то, что средним поколением информантов начинает оцениваться критично не только родительская семья, но и предлагаемая государством институциональная среда детства – школа и школьные учителя, кружки, секции. *«...Тогда нечем было заняться, и от этого мы ходили по разным кружкам: шахматы, лыжи, авиамодельный, радиodelo, теннис. Куда мы только не ходили, я уже и не помню, потому что кружков было много тогда. Главное, что было – кружки. Не было интернета, делали лук и стрелы из палок; если пройдет какой-то фильм из*

серии про Робин Гуда, то все на улице вылезают и начинают делать лук и стрелы... Я помню, когда я ходил в «Соколята», наш хор в «Радуге», вся проблема у меня была в этом. Я год отучился, все нормально, экзамены даже все на пятерки сдал, но меня дальше не взяли, потому что поведение у меня было плохое. Плохое не от плохого, что, там, я якобы негативный человек, а плохой в плане того, что я придурялся. Мне было скучно, и когда мы стояли, пели что-нибудь хором в одной тональности, то я обязательно пел в другой тональности, в общем, отвлекал» (информант – мужчина 1970 года рождения, детство провел в г. Рыбинске, руководитель). «Большой класс был? – Да, 25 человек нас было. Так что жили мы нормально, друженько. Учителя у нас все хорошие были, за исключением вот по истории, не очень учительница была. – Строгая была? – Ну да, она строгая была, такая, не знаю, не нравилась она мне» (информант – женщина 1966 года рождения, выросла в Ярославле, индивидуальный предприниматель).

Большинство информантов среднего возраста, как и их родители, вспоминают о своей слитости с коллективом, чувстве безопасности, отсутствии психологических травм и конфликтов в общении со сверстниками. Вместе с тем появляются и иные воспоминания: некоторые говорят о том, что пребывание в классе не доставляло им какого-либо удовольствия, а общение со сверстниками было весьма избирательным. *«Очень хорошо помню линейку, когда пошел в школу. Так как я был у маменькиной юбочки всегда, я очень стал переживать, когда остался один с классом, и когда в поле зрения не было никого из знакомых. Очень хорошо помню, что я заплакал. Я плакал и прятался за букет цветов. Какие-то минуты я плакал, потом был просто расстроенный. Очень хорошо помню, как нас повели в класс, знакомиться со школой. Первый урок я очень хорошо помню. Потом мне было не интересно. Я не любил учиться, не любил ходить в школу. – А были у тебя друзья в школе? – Друзья были только в доме, в соседних домах. Они пошли в школу в эту же, только по разным классам. – Ты переходил из одной школы в другую. У тебя что-то поменялось в связи с этим переходом? – Начальную школу я закончил на Нефтьстрое, потом учился на Суздалке. Переход в другую школу сыграл негативную для меня роль. Я не смог найти коллектив в классе. Я и так не любил учиться, а здесь у меня интерес к учебе совсем пропал из-за переезда. Наверное, у меня не было стремления к общению с кем-то. Я не любил вообще компании» (информант 1972 года рождения, вырос в г. Ярославле, машинист электровоза).*

Воспоминания среднего поколения информантов изобилуют репликами об очередях, дефицитных товарах и продуктах, которые необходимо было различными способами «доставать». Эти воспоминания образуют отчетливо выраженный социальный контекст детства среднего поколения, содержат яркие, образные подробности стратегий жизнеобеспечения семьи. *«Моя бабушка жила в деревне близ города, и у нее был огород. Там выращивали картошку, капусту, морковь, лук, чеснок, разные ягоды. Теплиц и парников с помидорами, огурцами раньше не держали – они были достаточно дешевы в магазинах. Я помню огромные огурцы в трехлитровых банках в магазинах райпо: они стояли там в большом количестве и их никто не брал даже. Поэтому когда выкидывали маринованные болгарские огурчики и болгарский компот «Ассорти», у прилавка тут же выстраивалась очередь! В деревне у бабушки были куры и свиньи, так что на Октябрьскую всегда резали скот (под холод, чтобы было где мясо хранить – холодильников раньше у бабушек не было), а праздник 7 ноября отмечали свежим мясом и холодцом. Вообще в то время было много очередей:*

и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е. Вся страна представляла собой одну огромную очередь за любыми товарами: и за продуктами, и за промышленными товарами. Это было время сплошного дефицита, мены, фарцы и бартера... Уроки труда для меня не прошли даром: в годы повального дефицита при наличии ткани можно было что-нибудь сшить. Журнал «Бурда-моден» пользовался бешеной популярностью. И все девчонки шили: модные в то время штаны «бананы», юбки с воланами, блузы с воротом лодочка. Мечтой всех восьмиклассников был чемодан «дипломат» вместо портфеля. И ведь эта мечта в 8-м классе почти у всех осуществилась, как и мечта о настоящих американских джинсах! А вот мечта о своем магнитофоне осуществилась в детстве не у всех...» (информант 1971 года рождения, родилась и повел детство в г. Харовске Вологодской области, государственный служащий). «Люди все ездили в Москву, брали с собой много сумок и везли оттуда колбасу, мандарины, торт. Вот, там торты были «Сказка», «Полено» - тогда просто был дефицит. Мандарины, апельсины, сосиски, колбасу. Потому что у нас все жили так, все ездили в Москву. Здесь у нас ничего не было, кроме ливерной колбасы. Если и было разнообразие, то очень редко. А фрукты и овощи – так вообще, особо такого понятия и не было здесь. Бананы, когда завозили, просто брали стол, делали палатку и выстраивалась очередь за бананами. Такое было время» (информант – мужчина 1970 года рождения, детство провел в г. Рыбинске, руководитель). «Еще дефицит. У нас был один человек, который уехал в Москву и занял большую должность. Он в родном селе магазин построил современный, торговый центр. И тогда она нам такой подарок сделал для села, для нас это будто это такая невидаль, что даже со всех окружающих деревень, даже городов приезжали, чтобы посмотреть на это изобилие. Там было столько продуктов и товаров, там было так удивительно. Я даже когда уже уехала из села в город и приезжала на каникулы, каждый раз мама покупала такие вещи, которых не было даже в городе... Обувь, верхняя одежда, свитера, платья, сорочки, даже золото, посуда. И оттуда привозила в город. И ко мне подходили люди и говорили: «Где ты это купила?» Вот такое было обеспечение... Вот тебе Советский Союз. Если тебе надо - ищи» (информант – женщина 1964 года рождения, детство провела в деревне Ярославской области, домохозяйка). В высказываниях представителей среднего поколения проступает мотив социального сравнения – дефицитные материальные блага доставались не всем, обладание чем-либо ценным и дефицитным выделяло счастливчика из общей массы.

Детский период в контексте общей истории жизни

Влияние детского периода на дальнейшую жизнь трактуется информантами по-разному, единый, согласованный в рамках поколения способ выражения здесь отсутствует. Представляется, что различия здесь обусловлены прежде всего личностными особенностями информантов. Некоторые вообще никак не оценивают период детства по принципу «было и прошло». «Вообще, детство – не самое важное, я хочу сказать. Потому что это прошлое. Но я в принципе стараюсь не цепляться за прошлое. Потому что в характере моем есть черта – идти вперед. Мне важно, что будет, как оно будет. Детство, да, я его помню, но на самом деле я о нем практически никому не рассказываю. Хотя это обычное детство, как у всех» (информант – женщина 1968 года рождения, детство провела в г. Чайковский Пермской области, сотрудник пенсионного фонда РФ). «Как Вы считаете, детство значимо в Вашей

жизни? – Думаю, что нет. Детство как детство, самое обыкновенное. Как у всех» (информант – женщина 1947 года рождения, детство провела в г. Ростов Ярославской области, пенсионер, работала учителем математики в школе, затем – программистом). Для других детство – калейдоскоп светлых воспоминаний вне причинно-следственных связей с событиями дальнейшей жизни.

Большинство информантов все же отмечает, что детство их чему-либо научило, сформировало их как личность, воспитало ценные качества и черты, которые пригодились во взрослой жизни. *«В целом, как Вы оцените – как повлияло детство на Вашу дальнейшую жизнь? – Я скажу, что детство круто повлияло на нашу жизнь. Мы жили все время «не в сахаре» так сказать. И до сих пор я привык надеяться всегда только на свои силы и не обманывать людей, потому что я понимаю, как это тяжело – быть обманутым и как все тяжело достается»* (информант – мужчина 1965 года рождения, вырос в Ярославле, инженер-строитель). *«...Но, наверное, то, что я всегда встречала новых людей, мне это давало какую-то обширность знаний, я больше узнавала о людях, об их характере. Очень много людей, которые встречались на моем пути в детстве, вот это общение дали мне толчок к тому, что я стала более общительная и могу спокойно найти контакт с любым человеком. Это было для меня большим плюсом в будущем»* (информант 1953 года рождения, выросла в деревне в Ярославской области, по профессии – бухгалтер, швея). *«Наверное, это даже хорошо, что меня родители делать ничего не заставляли, но и не делали ничего за меня. Я научилась – если что-то хочешь – ищи, пробуй, перенимай опыт или сразу отступай, но не вини в этом никого. И еще – очень не люблю ныть и жаловаться, скорее, это тоже из детства. Зачем делать то, что не ведет к конкретному результату?»* (информант 1978 года рождения, выросла и проживает в г. Ярославле, редактор на местном телеканале).

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что у каждого из двух исследованных поколений зафиксирован особый подход к концептуализации детского периода жизни, который впоследствии воспроизводится в отношениях со своими детьми, в наиболее очевидном аспекте – как изживание дефицитов собственного детства.

Зафиксированы существенные межпоколенные сдвиги в социальной концептуализации детского периода, которые касаются прежде всего системы взаимоотношений родителей и детей, а также концепта переходного возраста, на неизбежность которого представители старшего и среднего поколения информантов смотрят по-разному. В ряду важнейших различий между поколениями находятся такие вопросы, как роль родителей в обучении ребенка и их влияние на выбор профессии, степень возможной с точки зрения родителей автономности и субъектности ребенка, вопрос о допустимости и целесообразности физических наказаний.

В целом исследование подтвердило гипотезу о наличии у каждого поколения единообразной, внутренне согласованной концепции детства. Вместе с тем выявлены и некоторые внутривозрастные различия в концептуализации детского периода, которые касаются главным образом осмысления влияния детского опыта на дальнейшую жизнь. Вне зависимости от принадлежности к тому или иному

поколению, информанты воспроизводили два основных способа оценивания: детство либо признавалось незначимым этапом жизни, либо трактовалось как время формирования личности, ценных с точки зрения логики дальнейшей жизни черт характера.

Ссылки / References

1. Ображей О. Н. Детство как объект социологического изучения // Социологический альманах. 2012. № 1, С. 356 – 362.
2. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологического изучения // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62 – 69.
3. Митрофанова С.Ю. Современные тенденции в зарубежных социологических исследованиях детства (на основе тематики журнала «Детство: глобальный журнал исследований ребенка») // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия. Научная монография / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М., 2017. С. 78–100.
4. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174.
5. Щеглова С.Н. Социология детства: социально-технологический аспект // Социальные технологии, исследования. 2003. № 1. С. 26–31.
6. Qvortrup J. Childhood as a social phenomenon. Budapest, Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research. 1991.
7. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584–2069. New York: William Morrow and Company, 1991.
8. Михайлова Е. В. История жизни и опыт поколения бабушек и дедушек в интерпретации современных студентов (на примере студентов ЯГПУ, обучающихся по специальности «Социология») // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 2. С. 161–168.
9. Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 79 – 91.
10. Никонов Е., Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный икс. М., 2017. 130 с.